

ГРЁЗЫ и ЧЕРНИЛА

18+

Джинкс Моро

Грезы и чернила.

Опасная сделка.

<https://litres.ru/74045428>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Темной Столице, изнанке города смертных людей, бал правят маги Старшей и Новой Школ. Но здесь живут и те, кого сами волшебники называют монстрами. Майра, одна из таких монстров, мечтает избавиться от своей неестественной природы. Ей претит питаться снами и продавать воспоминания на черном рынке, чтобы заработать. Таинственный Древний предлагает ей такую возможность: забрать воспоминание у одного человека, и она будет свободна от своей ужасающей сути. Но лишь выполнив работу, она узнает, с кем связалась. Орфей красив, могущественен и очень опасен - и он уже идет за ней, чтобы вернуть украденное. В это же время в Столице появляется кто-то намного страшнее - тот, кто ради достижения своих целей готов залить кровью весь город, если его не остановят...

Содержание

Сон первый. Кофейные вампиры, кровь и немного магии.	4
Сон второй. Когда боги стучат в дверь	27
Сон третий. Бай	46
Сон четвертый. Дом номер 4 по Сливовой улице.	59
С	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джинкс Моро Грезы и чернила. Опасная сделка.

Сон первый. Кофейные вампиры, кровь и немного магии.

Там, откуда она была родом, говорили: “Никогда не доверяй детям Старшей Школы и красивым мужчинам - навлекут беду”.

Тот, кто перешёл Майре дорогу сумрачным ноябрьским утром, выглядел именно тем, от кого следовало держаться как можно дальше: он был умопомрачительно красив, самоуверен, искусен в тёмной магии. Не мужчина, а светящаяся табличка у вулкана: «Горячо, но не подходи».

Аврора назвала бы это судьбой. Майра - злой волей.

Столица любила сталкивать тех, кому суждено уничтожить друг друга, и наслаждалась хрустом их костей, как любимой музыкой. У города было чувство юмора, из тех, что заставляют смеяться сквозь слезы.

Но сегодня Майра думала только о деле. Кофейни в Тёмной Столице были как исповедальни: приходишь, рассказываешь,

ваешь бариста, как устал, и получаешь отпущение с корицей и пенкой. Они на каждом углу, но это кафе она выбрала сама - людное, яркое и безопасное.

Клиентку - тоже.

Та притягивала взгляды и заставляла забыть аляповатый интерьер, снующих ранних пташек и даже пару вампиров в дальнем углу. В ней не было ничего особенного: смертная с усталым лицом, в строгом пальто, которое смотрелось среди виниловых розовых диванов, как гробовщик на свадьбе.

Пришла клиентка вовремя, заняла место у окна. Не пряталась, и пускай дрожали руки - взгляд оставался прямым. Майра оценила: бесстрашная. Смертные трясутся от любого шороха, а эта явилась без условий и гарантий. Опасное качество, часто ведёт к гибели. Или к встречам с монстрами.

- Мне сказали, ты можешь помочь, - женщина вытерла слезу, выдохнула. - Говорят, у тебя есть дар.

- Есть, - ответила Майра спокойно. - Но всё зависит от того, что тебе нужно.

Смертная замялась, будто слова отклонились от заготовленного сценария.

Майра откинулась на спинку дивана, разглядывая клиентку, как хирург оценивает пациента: что болит, где резать, выживет ли. Голос смертной дрожал, будто та час репетировала в метро, а теперь забыла слова. Дрожал, но не ломался - уже хороший знак.

Кто из городских фантомов шепнул этой женщине её

имя? Форумы, слухи, подворотни. Город сам выдумывал о ней легенды - и ни в одной не было ни капли правды. Ведьма? Проклятая? Спасительница? Майра каждый раз смеялась: даже самые фантастические догадки были слишком далеки от правды.

Под пальто смертной блеснул бейдж: Лейла. Глаза у нее опухли, как бывает, если всю ночь прорыдать до хрипоты.

На даже в таком виде Лейла была красива до абсурда - длинная коса, родинка над верхней губой. Фарфоровая куколка. Но внутри, под кожей, уже расходилась трещина и тёк знакомый яд, по которому Майра безошибочно распознавала своих клиентов. Сидела с прямой спиной, сумочка на коленях; заказала зеленый чай и так и оставила его остывать.

Проблемой, конечно, был мужчина. У смертных женщин это почти диагноз.

Майра не осуждала - в каждом сердце при желании найдётся такой изъян. Просто одни зовут его любовью, другие - ошибкой. Мужчины были изобретательнее: предпочитали избавляться от воспоминаний, что не давали спать по ночам. Измена, предательство, иногда - убийство.

- Я помогу, - сказала Майра. - Расскажи мне о нём.

Лейла глотнула остывший чай в попытке оттянуть неизбежное, а потом подняла глаза. Майра подарила ей сдержанную улыбку, чтобы снять последнюю защиту со смертной.

- Мы познакомились на работе, - начала Лейла. - Он был вежлив, внимателен Я думала, это судьба.

Майра кивнула. Всегда - судьба. До тех пор, пока знамения не оборачиваются дурными знаками.

- А потом? - мягко подтолкнула она.

- Потом он перестал быть добрым.

Слова падали на стол, как фантики, оставляя липкий след. Лейла не смотрела на неё.

Вот оно. Каждый раз Майра по-новому называла это чувство, поднимающееся в горле. Сегодня оно походило на приближающуюся грозу. Нервное возбуждение в позвоночнике и искры статического электричества, петляющие по венам.

Лейла не вздрогнула, когда её запястье обхватила чужая ладонь. Майра прижала большой палец там, где бился пульс, и спросила тихо:

- Он делал больно?

- Да. Он любил разговаривать. Объяснял, какая я никчемная, как мне повезло, что он вообще обратил внимание на что-то столь невзрачное.

Взгляд смертной потускнел, будто кто-то выключил свет в единственном зажженном окне глубоко за полночь.

- Ему нравилось, если я начинала плакать. Казалось, он получает от этого удовольствие. На следующий день извинялся, дарил цветы, обещал, что больше не повторится. Но всё повторялось.

Майра затаила дыхание: пульс Лейлы участился, но стал нечетким. Граница пройдена. Она, будто невзначай, повернула голову к окну.

В кофейне стало тихо, даже музыка будто оборвалась.

- Хочешь забыть? - спросила Майра, когда смертная замолчала.

Лейла кивнула.

- Что ещё?

Голод под рёбрами шевельнулся, и Майра сглотнула, умоляя его потерпеть. Не сейчас. Лейла только открылась, позволила заглянуть в память, и если все пойдет наперекосяк

- Еще он делал вещи, которые мне не нравились. Вещи, которые я хотела бы забыть.

Майра взглянула Лейле в глаза:

- Тогда забудь.

Только в сказках волшебство - это фейерверк: вспышки, громы, радужные вихри. Реальность куда скучнее. Настоящая магия требует не театра, а точности - касания и маленькой склянки, приготовленной заранее. Никаких огней, только сбившееся дыхание смертной и тишина.

Лейла не закричала, не заплакала, так и осталась сидеть с тем же разбитым лицом и глазами, в которых теперь не отражалось ничего. Боль ушла, а ее место еще пустовало.

Майра подняла пузырьёк с крошечным мерцающим воспоминанием внутри.

- Вот и всё.

Сдержать довольную ухмылку было трудно. Хороший осколок: свежий, полный жизни. Любовь, вывернутая наизнанку, мучительная боль на десерт. За такой заплатят щед-

ро, и можно позволить себе день в фейри-спа или новое платье. Майра вспомнила то самое платье мечты - черный шелк и алые цветы.

Осколок мерцал красноватым светом на дне склянки, как ягода брусники, замороженная во льду.

- Это всё? - спросила Лейла, наклоняя голову. На лице дрогнуло что-то вроде недоверия. - Так странно

Она приложила ладонь ко лбу, пытаясь унять головокружение.

Место, где память прорастала, ещё несколько часов будет ныть как старая рана. Но к обеду станет легче, а завтра она забудет и что когда-то любила, и что вообще сюда приходила. Останется только фантомный зуд - беспокойство, будто оставила дома включенный уют.

Человеческая память - лепесток: рвется от любого прикосновения, но и заживает быстро, стоит вынуть занозу.

- Всё, - сказала Майра и убрала склянку в рюкзак. Пальцы коснулись телефона, который трясся в беззвучной истерике. Ночью было тридцать семь пропущенных. К утру - уже больше.

- Сколько я должна? - Лейла потянулась за кошельком, но замерла, почувствовав тёплую руку на запястье.

Майра едва качнула головой.

- Деньги не нужны.

В паузе прорезался шум кофейни: шипение машины, звон колокольчика на двери, голоса за соседним столиком. Звук

казался чересчур громким - мир, забытый на мгновение, возвращал свое присутствие.

- Так не пойдёт, - неожиданно твёрдо сказала Лейла.

Майра не удержалась от усмешки. Надо же. Стоило убрать боль - и проступил характер. Упрямство, воля. Если не влюбится снова в идиота, далеко пойдёт.

- Не тревожься, - отозвалась Майра, показывая пустые ладони. - Я не беру денег с тех, кто действительно нуждается в помощи.

Зато беру с тех, кто на этом горе пытается нажиться,
- добавила она про себя.

Смертной незачем знать, что будет дальше. Что склянка уйдёт на чёрный рынок, что кто-то сожрёт её опыт без остатка, чтобы снова почувствовать себя живым. Лучше, если она никогда не вспомнит, что они встречались.

Бай назвал бы это преступлением. Майра называла милосердием. Какая разница, что она делает с чужой болью, если никто не пострадает дважды?

Лейла ушла через несколько минут - оставив купюру под блюдцем, придирчиво взглянув в зеркальце пудреницы. Шла легко, почти летя, собирая взгляды мужчин, как последние солнечные лучи перед долгой зимой. У неё всё будет хорошо. Возможно, не сразу - но обязательно.

Майра проводила её взглядом.

С основным блюдом покончено. Пора приступать к десерту.

Потрепанный блокнот мягко шлепнулся на стол. Следом - телефон: экран вспыхивал каждые пару секунд, напоминая, что там, за пределами кофейни, кто-то требует внимания.

Майра не реагировала. Пусть ждут.

Листы блокнота - серые, испещрённые сотнями имен - шуршали под пальцами. Посторонний, заглянув ей через плечо, решил бы, что перед ним черновик мрачного романа. Или, что у Майры просто странное хобби. Некоторые коллекционируют этикетки от газировки и дорожные конусы. Чем это хуже?

Но сторонние не знали главного: каждое имя в блокноте имело вес и тень. А ещё - плоть, кровь и силу. Одно прикосновение к тем, кому они принадлежали, могло вызвать бурю. Капля крови, пущенная на сторону, заставила бы Столицу содрогнуться.

Но кровь Майру не интересовала, только деньги: золотые монеты, серебряные слитки, хрустящие купюры, драгоценные камни - всё, что способно перевесить совесть.

Она лениво листала страницы, выискивая тех, кто заплатит по-настоящему щедро. Таких попадалось немного - редкие экземпляры с пустыми глазами и черными, как деготь, душами. И половина непременно попробует обмануть или отсрочить платёж.

Блокнот был для неё не просто списком клиентов - миниатюрной Столицей, со своей иерархией, своими законами и

теми, кто их нарушает. Достаточно взглянуть на эти страницы, и город разламывался перед глазами на четыре неравные части, как слоеный пирог.

Первый кусок принадлежал Старшей Школе, с начинкой из кладбищенской земли, жирной, переплетенной с нитями крови. Им нравился хаос, они щедро подпитывали им Столицу, и та росла, как грибница. Майра старалась держаться подальше - оттуда редко возвращаются без шрамов. Но если судьба всё же сталкивала их, цена всегда была высокой. Старшая Школа платила щедро, иногда чрезмерно - будто пыталась золотом искупить сам факт сделки с монстром.

Следующий раздел, с зелёной закладкой, - Новая Школа. Меньше, но куда наряднее, аккуратная, как коробка с лентами, ароматными травами и конфетти. Эти маги приходили редко и, если решались, то просили шёпотом, без свидетелей, почти извиняясь. Для них магия была скорее игрой на публику, а собственную репутацию они хранили как семейное серебро. Стоило их именам попасть в «Полуночный экспресс» на страницы сплетен, и безупречный мир рассыпался на осколки.

Когда-то обе Школы были едины. Почему разошлись - Майра не помнила и не стремилась узнать. Ее образование состояло из собственных ошибок и шрамов.

Она пролистнула ещё несколько страниц и фыркнула. Эти заказчики не купят настоящую боль. Им страсть, фейерверки, мишуру подавай. Воспоминания яркие, как огни над ре-

кой, или чувственные, как старая любовная баллада на повторе. Смертные, маги - все одинаковы.

Она сделала глоток кофе, и горечь приятно обожгла язык.

Следующий раздел был самым толстым, а страницы почти липкими на ощупь. Древние. Старые твари в людских телах, бывшие боги, низвергнутые на землю, существа, пережившие слишком многое, чтобы чувствовать. Они сходили с ума от скуки. Ради капли чужой эмоции, ради воспоминания, где кто-то смеётся или умирает, были готовы разорить собственные немногочисленные алтари. Им не нужны были воспоминания сами по себе - им нужна была жизнь на вкус. И кто, как не Майра, мог им её продать?

Последние листы отличались: серые, крошащиеся, как старый пепел. Имена тех, кто не принадлежал ни одному миру. Нежить, монстры, потерянные - те, кто видел слишком много и забыл, зачем живет. Майра задержала взгляд, и рука предательски дрогнула, будто память тела опередила мысль.

Под рёбрами взорвалось тепло. Звуки кофейни - звон чашек, шипение машины, смех - отступили.

Голод.

Он не ревел и не рвался наружу. Просто дышал в унисон с её сердцем - горячо и мучительно. Тихо шептал: съешь хоть память, хоть сон, хоть саму себя, но насыть меня. Она коротко вздохнула, и голод притих. Не побеждённый, просто терпеливо ждущий.

Соблазн кружил голову: нырнуть в метро, сесть в первый

попавшийся поезд, прокатиться три круга по кольцевой, высматривая тех, кто задремал после ночной смены. Притвориться обычной девчонкой в яркой куртке, что мирно ютится рядом с уставшим работягой или студентом, засыпающим над формулами в тетрадке.

Пусть спят. Пусть доверчиво склоняют головы. Одного сна хватило бы, чтобы забыть о голоде на пару дней.

Но она не двигалась с места и считала вдохи.

Мир только начал возвращать краски, когда в кофейне появился он. Красивый, как кинозвезда, шагнувшая со старой плёнки, и до раздражения уверенный в себе. Блики флуоресцентных ламп отражались в темных кудрях, играли на серебряных цепочках в вороте алой рубашки. Дорогое пальто, небрежная улыбка - весь образ идеально выстроен.

И только одна деталь выбивалась: тяжелые армейские ботинки.

Именно они выдавали в нём не обычного красавчика, заглянувшего за тыквенным латте, а хищника.

Среди облезлых плакатов и усталых лиц его красота выглядела чуждой, как витраж старого собора, найденный в дешёвой забегаловке между вендинговым автоматом и липкими столами. Слишком чистый, слишком яркий. Не отсюда.

Майра зажмурилась, стиснув зубы. Она почти чувствовала вкус его снов: сладкие, как перезревшая клубника, терпкие, как сливочный ликёр. Рот наполнился слюной, голод снова поднял голову. Она не могла отвести взгляд, как не

может утопающий перестать смотреть на поверхность воды над собой.

И, конечно, не только она. В дальнем углу, где свет падал тускло и косо, затаились двое - кофейные вампиры. Мелкая, навязчивая пададь, что кишит по ночам в Столице. Они питались кровью, в котором горечь эспрессо смешивалась с железным привкусом гемоглобина.

Майра заметила их, как только вошла, и с тех пор притворялась, что не видит. Парень и девушка с одинаково сладкими мечтательными улыбками, для смертных они выглядели как пара студентов, загулявших до рассвета. Но любой из Тёмных увидел бы истинные лица: клыки, спрятанные за ладонями, и темные, как старое вино, глаза.

Они грели мерзлые руки о кружки с горячим шоколадом и следили, не мигая. Выбирали жертву среди сонных посетителей. Внешне похожи, почти как близнецы, - но Майра знала: смерть сглаживает черты лица, как морская вода обтачивает камни.

Среди нежити Столицы «кофейники» были самыми жалкими. Даже оборотни, вечно пахнувшие мокрой псиной, считали за позор признавать их существование. Настоящие вампиры делали вид, что этих уродов не существует. Кофейники выбирали жертву не умом, а инстинктом, не думая о последствиях. Главное - утолить жажду.

Сегодня они уже нашли добычу. Глаза блестели от нетерпения, обветренные губы шептали слова, от которых воздух

становился гуще.

Они следили за мужчиной в алой рубашке, пока тот с легкой улыбкой заказывал кофе, флиртуя с девушкой за кассой. Вампиры умели ждать, хотя нетерпение грызло их изнутри. Майра видела, как они вытягивают шеи, облизываются, смеются - глухо, беззвучно, точно праведники, которым вот-вот позволят согрешить.

Майра допила холодный кофе до дна и откинулась на диванчике, решив просто наблюдать. Не каждый день выпадает возможность смотреть, как другие монстры выходят на охоту.

Сцена разворачивалась, как знакомый сюжет: мужчина взял стакан, поблагодарил бариста, развернулся к выходу - и тени двинулись за ним. Майра знала, как это будет: тихие голоса, ласковые как шёлк, сплетутся в единый зов, сознание жертвы помутится, улыбка станет глупой и безвольной. Потом его уташат в переулок, и запах кофе сменится острым ароматом свежей крови.

Она уже видела подобное. Тогда вампир - настоящий, не «кофейник» - убедил женщину, что за углом ждёт её умерший муж. Та плакала, умоляла идти быстрее. Майра не вмешалась. Не потому что боялась, просто жалость в этом городе обходилась слишком дорого.

Не планировала она вмешиваться и сегодня. Итог предсказуем: если повезёт - выживет. Нет - станет строчкой в завтрашней полицейской сводке.

Но не все истории идут по сценарию.

Мужчина вдруг обернулся. Спокойный взгляд скользнул по вампирам, и они одновременно отшатнулись, как от огня. Ни слова не прозвучало, но воздух сгустился, стал осязаемым, точно перед грозой. По коже Майры пробежал электрический импульс, под веками запульсировал медный свет. Виски пронзила боль.

Она зажмурилась. *Кто он такой?*

Вампиры уже сжались в углу, кутаясь в свитера. Девушка уткнулась лбом в плечо спутника, губы дрожали. Парень перебирал её волосы, щерясь в сторону незнакомца, и сипло выдохнул ему в спину:

- Проваливай.

Пнул стол, и кружки покатались на пол, расплескав шоколад.

- Ублюдок, - добавил он, глядя вслед тому, кто даже не обернулся.

Майра хмыкнула про себя. Обиделись. Прожорливая парочка ещё немного поскулит, успокоит гордость горячим шоколадом, потом найдёт новую игрушку. Кто-нибудь попадетсЯ - сонный, доверчивый. Но мужчина в красной рубашке им был не по зубам.

И всё же - кто он?

От его ауры разряды скакали по коже, ныряли в вены, причиняя сладкую, почти желанную боль.

- Что за чертовщина? - Майра опустила взгляд на пустой

стакан и ощутила, как изнутри поднимается странная волна. Глупая, совершенно беспричинную. Будто ей показали что-то редкое, а потом отняли, не позволив прикоснуться. Голова кружилась, в ушах звенели тревожные колокольчики.

Чародей.

Кто ещё может вот так небрежно отмахнуться от вампиров? Можно было догадаться и раньше: по коже, золотистой и бархатной, по темным кудрям, по едва заметному блеску чар. Мужчина был слишком совершенен, чтобы быть смертным.

Чародеи везде одинаковы. Где бы ни появились, всё вокруг подстраивается под их шаг и дыхание. Воздух густеет, время замедляется, люди начинают говорить тише, не понимая почему. Они не стараются понравиться, но всё равно притягивают чужое внимание, как магнит тянет металлическую стружку.

Особенно сильно к ним нечисть тянулась, для которой аромат магии обещал силу и гибель в одном глотке.

У её столика мужчина замедлил шаг, и Майра не успела отвернуться, как их глаза встретились.

Чародей чуть наклонил голову и небрежно махнул ей.

- Хорошее утро? - спросил он. Голос низкий, немного хриплый, тягучий - с той хищной теплотой, что растапливает даже сталь.

В этот момент Майра поняла: он опасен. Не потому что силен. А потому что ей хотелось ответить.

Он продолжал смотреть, улыбаясь.

Прикинуться немой? Невидимой? Разве он не знает, что встреча с пожирателем снов - к несчастью? Смертные винят пустые вёдра и чёрных кошек, не подозревая, что настоящие беды приходят в человеческом обличье - с вежливой улыбкой и всегда здороваются первыми.

- Не жалуюсь, - произнесла она и склонила голову, стараясь не показать, что голос дрогнул.

Он тихо рассмеялся, зарываясь рукой в волосы. Когда рукав пальто приподнялся, Майра увидела на запястье узоры - вытатуированные черными чернилами.

Желудок, полный только отвратительного кофе, провалился вниз. Старшая Школа.

У Новой за такое могли изгнать или проклясть на пару веков. Но этот чародей выглядел так, будто сам себе закон. Ему было плевать, что он разукрашен, точно приворотная кукла, и что Майра это заметила. Поняв, что разговор не клеится, он снова помахал ей, чуть насмешливо подмигнул и направился к двери. Горячий стаканчик держал голой рукой и даже не морщился.

Когда дверь закрылась, в кофейне будто стало холоднее. Майра проводила его взглядом, пока он не завернул за угол - и почувствовала, как голод снова поднимается изнутри. Но на этот раз не звериный. Тёплый, жгучий. Невыносимо человеческий.

Майра раздражённо сунула блокнот в рюкзак, борясь с же-

ланием бросить всё: клиентов, воспоминания, чёртовы сделки.

За окном, где маг перестал освещать угрюмую улицу своим великолепием, тянулся сонный город. Ночной туман цеплялся за ноги прохожих, играл с жёлтыми листьями, прятался в водостоках. Казалось, шептал и умолял остановиться, а когда понимал, что его не слышат, тихо стучал в окна. Иногда кто-то отзывался, и потом в газетах появлялись чёрно-белые фото под заголовками: «Пропал без вести», «Ушёл и не вернулся».

Из угла донесся резкий шепот. Майра наострила уши - лучше подслушать чушь, чем пропустить важное.

- Ничего не вышло, - низкий мужской голос сорвался на рык. «Кофейник» ударил ногой по металлической опоре стола.

- Он сорвался, мы были бессильны! - пискнула его девочка. - Но награда неужели всё коту под хвост?

Вампир зашипел и щелкнул клыками.

- Я предупреждал: все колдуны - дерьмо в позолоте.

Майра не повернулась на голоса, только уголки губ дрогнули. В мире, где все чего-то хотят, чужая неудача - самое вкусное блюдо.

Туман за стеклом стал плотнее. В его серых складках вспыхивали лица - перекошенные, растянутые, похожие на тени, застрявшие между мирами. Потерянные, бестелесные, они искали дорогу домой, но путь был закрыт. Майра смот-

рела сквозь них - спокойно, без интереса. Ведь в Столице даже ребенок знает, что духи не трогают чудовищ.

После третьей чашки Майра приняла решение: хватит. Довольно голодовки, самоконтроля и показной добродетели. Она не святая.

Встала, закинула рюкзак на плечо. Голод, скучающе наблюдавший со стороны, коротко вздохнул: наконец-то.

Кофейная вампирша с потрескавшимися губами и голодом в глазах, бросилась наперерез. Оставшись без завтрака, решила попытать удачи с пожирательницей снов. Мелкая, голодная, глупая.

Майра не стала вздыхать и ругаться - просто сунула руку в карман и достала нефритовый шар. Камень лёг в ладонь, переливаясь перламутром, но если присмотреться, то начало казаться, что там внутри шевелится что-то живое.

Такие вещи не носят ради красоты.

- Отойди, - попросила Майра вежливо. - Не искушай судьбу.

Вампирша дёрнулась и, брезгливо морщась, отступила.

- Монстр, - выдохнула с искренней ненавистью.

- Ага, но я, по крайней мере, еще жива.

Майра прошла мимо, намеренно толкнув её плечом. Даже сквозь тонкий свитер кожа нежити обжигала холодом. Кофейники ненавидели Майру, ненавидели и боялись, хотя между этими понятиями, по большому счету, нет никакой

разницы.

Снаружи ее ждал мелкий дождь, и в густом тумане только красная буква М горела ровно, точно маяк.

Майра толкнула тяжёлую дверь и почти бегом спустилась по ступенькам.

Питаться в метро она не любила. Сны здесь были разбавленными и безвкусными, как дешевый чай, - но когда голод требовал своего, спорить с ним было бесполезно.

Меню не радовало: женщина с громоздкой сумкой, студент с запавшими глазами, мужчина в сером пальто, который устался в окно, будто там, в тёмном тоннеле, скрывался ответ на вопрос, что давно его мучил.

Майра шла медленно, как будто выбирала место в полупустом вагоне.

Пальцы легко, почти невесомо скользнули по рукаву мужчины, что дремал с открытыми глазами. Мир качнулся, и она втянула образ влажных листьев, запаха табака и тоски, смешанной с дождём. Сон был горьким, но неожиданно освежающим.

Студент прижимал к себе учебник и растрепанные конспекты. Его сон тянул пылью аудиторий - сухой, как мел. Майра взяла немного. Ровно столько, чтобы прогнать звон в голове. Наесться до отвала не хотелось, нужно было просто восстановить равновесие после долгой диеты.

- Подвинься, - рывкнул кто-то за спиной, и чужой локоть врезался под рёбра. - Живей!

Крупный парень с красным лицом расталкивал людей, пробиваясь к дверям. Голос из динамика озвучил станцию, и «гризли» двинулся к выходу с еще большей наглостью.

Она смотрела ему вслед и представляла, как разрывает его память: первая любовь, первый провал, тот момент, когда он впервые заплакал - один, в тёмной комнате. Могла оставить его пустым в качестве маленькой мести. Но момент был упущен, двери закрылись, и поезд покатился дальше.

Знакомый перестук убаюкивал. Голод свернулся внутри, как зверь, удовлетворенный ровно настолько, чтобы не рычать.

Майра устало оглядела вагон - и заметила её. Девицу в чёрном пальто, прижавшуюся к стеклу прямо под табличкой «Не прислоняться».

Сначала показалась просто частью унылого утра, вот только ее пальто

Проклятое пальто, от одного взгляда на которое мысли начинали течь медленнее.

Чёрная ткань притягивала взгляд и впитывала свет. Худое тело девчонки тонуло в нём, как в грозовом облаке. Сама она выглядела больной - длинная цыплячья шея, круглые глаза, слишком большие для бледного лица. Магией разило так, что приходилось дышать ртом.

Наверняка купила на барахолке, даже не подозревая о том, кто носил его до нее. Таких мест в Столице хватало - туда часто попадали вещи прямо из рук чародеев.

Майра выдержала взгляд девицы и отвернулась. Она не боялась, но и смотреть не хотелось. Однако тошнотворное чувство, будто в животе завелось с десятков сороконожек, не уходило.

Куда бы она ни пошла, девушка возникала перед глазами. Тянулась следом, как на привязи, смотрела прямо и не моргала. Как будто точно знала, кто такая Майра.

Каждый нерв кричал, что надо держаться от нее подальше. Было в ней что-то неправильное, кривое.

Девушка как будто не принадлежала этому миру. Стояла совершенно неподвижно, точно зловещая статуэтка, а люди вокруг обходили её по широкой дуге, избегая прикосновений, как зараженной неведомой болезнью. Вряд ли кто-то из смертных мог объяснить себе, почему.

Майра почувствовала, как холодеют руки.

- Что тебе нужно? - шепнула она, как будто та могла услышать.

В памяти всплыли слухи, которые она когда-то считала байками: когда Старшая Школа устраивает «охоту», они выбирают монстра и загоняют его - не приближаясь, но и не давая уйти, пока тот не теряет рассудок. Она никогда в это не верила. Чародеи были заносчивы, но не жестоки.

Теперь эти сплетни не казались смешными. Красавчик из кафе и жуткая девушка - они больше не выглядели случайностями, скорее частями какого-то большего, зловещего плана. Майра не была склонна к суевериям - но решила: это знак.

Пора бежать.

Двери распахнулись, и она выскочила из вагона. Рванула вверх по эскалатору, сменила ветку, пересела на случайный поезд и оказалась на станции, о существовании которой даже не подозревала.

Бежала по переходам, уворачиваясь от каждой тени. Выжидала в полумраке лестниц - только ради того, чтобы в конце концов снова увидеть девушку в чёрном. Повторяющимся кошмаром та выросла прямо перед эскалатором, как будто сама Тьма встала на пути.

Улыбалась понимающе: набегалась?

Сердце Майры дрогнуло и заколотилось птицей в слишком тесной клетке.

Не теряя времени, она нырнула в толпу. Спряталась среди пассажиров, сталкивалась с ними плечами, уворачивалась от раздраженных взглядов. Кто-то толкнул с такой силой, что она едва не упала. Кто-то ущипнул - боль разлилась синевой под кожей. Мелочи, ерунда.

За спиной раздался смех - громкий, наглый. Утонул в гуле подъезжающего состава, но всё равно пробрался под кожу.

Помимо воли Майра обернулась. Взгляды столкнулись.

- Какого черта - прошептала она.

Девушка в чёрном спокойно, почти лениво, поманила её одним пальцем - так зовут к себе глупого котёнка. Узкие губы тронула вялая улыбка. Среди людского потока она казалась провалом в реальности - чёрным разрезом, выжженным пят-

ном. Мир не решался касаться её силуэта.

- Не дождёшься, - тихо бросила Майра, глядя ей в глаза. Оставалось надеяться, что тварь умеет читать по губам.

Выждав мгновение, она нащупала в кармане гладкие прохладные бока сфер - знакомое, почти успокаивающее ощущение. И сорвалась с места, рванула к закрывающимся дверям поезда на северо-запад.

Двери сомкнулись за спиной с успокаивающим лязгом. Девушка в чёрном осталась на платформе - тень среди теней, растворившись в толпе, как тот, которого никогда и не существовало.

Поезд устремился в перегон. Что-то внутри подсказало: всё, погоня окончена. Не интуиция - скорее внутренний холод, который приходит, когда хищник теряет к тебе интерес. Как будто мир на секунду выдохнул: хватит бежать, ты уже вне игры.

Но Майра знала: если кажется, что охота закончилась - значит, ты просто перестала замечать, что на тебя всё ещё смотрят из темноты.

Сон второй. Когда боги стучат в дверь

Игра в кошки-мышки вымотала её настолько, что пришлось почти силой вырвать сон у какого-то офисного зомби. И проглотила целиком, с лёгким раздражением: «белому воротничку» снились документы, стопки и папки, заполненные несомненно очень важной ерундой. Суховато, кисло, но до вечера хватит.

У Майры были планы: заглянуть в «Кроличью Нору», продать пару свежих воспоминаний и поболтать с местными вампирами. Не с заурядными «кофейниками», а с настоящими стариками, у которых острые зубы и жутко длинные языки.

Эти знали все: кто с кем спит, кто кого предал, в каких шкафах прячутся самые пикантные скелеты. Если нужны грязные сплетни, то кровососы никогда не разочаровывали.

А Эдгар, самый молодой из кровавых старейшин, обещал покопаться в архивах своего гнезда. Майра ради этого была готова сдать кровь оптом - лишь бы вытащил хоть какую-то зацепку, как укротить тварь, что жила под кожей. Эдгар копал умело - и в прошлом, и в чужих костях.

Телефон в кармане вибрировал, как рассерженный осиный улей. Один звонок, второй, третий. Майра взглянула

на часы. В Логове сейчас, скорее всего, царила привычная мрачная идиллия: пусто, темно и тихо. Остальные вот-вот вернутся с охоты и будут валяться до полуночи, как отъевшиеся хищники. Она не показывалась там уже несколько недель, и Бай наверняка вынашивал план, как загнать ее в угол.

Дзынь!

С замирающим сердцем Майра прислушалась - хоть бы показалось!

ДЗЫНЬ!

Ошибки быть не могло. Из рюкзака доносилось звяканье, точно она таскала с собой пустую стеклянную тару. Но там не было ничего, кроме телефона, блокнота и воспоминания Лейлы.

- Заткнись, - прошипела Майра, потрянув рюкзак. Мелодичный звон не унимался, становился только громче, привлекая внимание прохожих. - Молчи, кому сказала!

Склянка с воспоминанием замолкла на секунду, и почти заверещала, как пожарная сирена.

- Ну, хорошо-хорошо! - Майра прижала рюкзак к себе обеими руками. Время поджимало: надо было спрятать воспоминание, пока оно не свело с ума. Такие вещи нельзя держать при себе долго: память цепляется, как репей, и стоит чуть зазеваться, как осколок начнёт шептать на ухо, гипнотизировать, а там недалеко до того, как чужие чувства станут твоими собственными.

Майра скорее прыгнула бы в объятия любой нежити, нежели снова позволила себе ощутить, как разбивается сердце. Чужая нелюбовь ранила больше, чем нож, вспарывающий от ключиц до пупка. Одного раза ей было вполне достаточно.

Звон умолк только на подходе к дому. Наверное, осколок ощутил присутствие сотен своих товарищей и задремал, убаюканный близостью. Майра мстительно потрясла рюкзак: оттуда не донеслось ни звука.

- То-то же, - хмыкнула она, ныряя в парадную.

Квартиру с высокими потолками и окнами в пол Майра снимала у безвременно отсутствующих жильцов. Куда они подевались - понятия не имела, но точно знала: хозяева уверены, что за квартирой присматривает старушка-соседка, в доме которой не протолкнуться от котов и фикусов. А лёгкий слой одолженной у подружки защитной магии круглоглодично наполнял лестницы ароматом печеных яблок с корицей.

Напевая, Майра перепрыгивала через две ступеньки - но как только добралась до своего этажа, почувствовала: что-то не так, что-то изменилось.

И не ошиблась. Её уже ждали.

Изможденный старик в чёрном пальто привалился к двери ее квартиры. Костистое лицо, кожа блее свежавывавшего снега, а глаза - темные, хищные, как лезвие из дамасской стали. С одного взгляда было ясно: не человек. И если Май-

ра хотела попасть в квартиру, нужно было как-то убрать это существо с дороги.

Вблизи немочь в пальто выглядела не пугающе, а жалко. Майра прищурилась, обводя его взглядом с ног до головы, и с неудовольствием подумала, что могла бы одолеть его даже в состоянии лёгкого похмелья.

- Все-таки решил поздороваться?

Облик изменился, но болезненная худоба и чёрное пальто остались прежними. Девушка из подземки обернулась дряхлым стариком. Или Майра изначально ошиблась?

Старик зашелся в натужном скрипучем кашле.

- Долго будешь пялиться? - прохрипел он, не двигаясь с места. - Открывай, дело есть.

Майра подкинула ключ на ладони, задумчиво надув губы.

- Мои клиенты обычно предупреждают о визите. Или ты не клиент?

Она прощупывала почву, но старик не повёл и бровью. Стоял, будто высеченный из черного мрамора, и таращился.

- Отлично, - вздохнула Майра. - Но вид у тебя, прямо скажем, не очень. Ты давай, держись там. Не хотелось бы объяснять соседям, откуда у меня труп на коврике.

Старик моргнул, белесые ресницы дрогнули дважды.

- Не переживай, - он противно захихикал, точно затряс мелочью в кармане. - Я тебя переживу.

Голос скрежетал, как старая дверная петля. Слова с трудом соскальзывали с его языка.

Значит, клиент. Майра подарила ему улыбку, приберегаемую для особо мерзких визитеров, и молча отперла дверь.

- Заходи, - сказала она.

Гость без церемоний протиснулся первым. Длинные рукава пальто плеснули по бокам, он потоптался в коридоре, как бездомный кот на новой территории, - и двинулся дальше, оставляя грязные следы.

Майра продолжала улыбаться, не разжимая зубов. Откроет рот - и обязательно выскажет всё, что думает о тех, кто является без приглашения.

Пришлось напомнить себе, что деньги - самый весомый аргумент, и если разыграть партию правильно, она сможет выжать из гостя немало.

Но все равно, внутри что-то скреблось. Дом был ее крепостью, ее святыней, и теперь его осквернили.

- Грязь, испорченное настроение, вторжение в личное пространство - перечислила Майра, облокотившись о дверной косяк. - Поздравляю, счет за услуги только увеличивается.

Гость, озираясь, ответил с усмешкой:

- Скупость не входит в число моих пороков.

Майра приподняла бровь:

- О, да? И что же входит?

- Упрямство и похоть, - он самодовольно вскинул подбородок.

- Впечатляюще. До обеда-то хоть дотянешь, сластолюбец?

- Я же сказал, - гость с удовольствием улыбнулся, демонстрируя слишком острые зубы, - ты умрешь первой.

Майра захлопнула дверь, скинула кеды и прошла внутрь. Здесь она была хозяйкой, и это он оказался с ней здесь заперт, а не наоборот.

В кармане сферы вспыхнули холодом. Майра почувствовала ледяной укус, но не шелохнулась. Ещё не хватало, чтобы побрякушка диктовала ей, с кем общаться. Она, конечно, обещала Баю не лезть в неприятности - но те, сволочи упрямые, сами пришли к её порогу. Оставалось только понять, кто этот тип и откуда вылез.

Майра задумалась, пока ставила чайник и доставала различные чашки. Ничего подозрительного в памяти не всплыло. Последние месяцы прошли на редкость тихо: десяток удачных сделок, ни одной стычки с Тёмными, ни одной погони по крышам. Майра почти заскучала. Почти.

- Любопытное местечко, - заметил гость, осматривая квартиру так, будто выбирал стену для портрета себя любимого. - Живешь на широкую ногу?

- Я люблю, когда вещи стоят своих денег, - холодно бросила Майра. - Смотри, но не трогай.

- Принято, - усмехнулся он и, не дожидаясь приглашения, нагло устроился за столом, откинувшись на спинку стула.

Майра раздраженно щелкнула языком, но вместо того чтобы выдворить наглеца, со стуком поставила перед ним чашку слабого чая - традиционное подношение Тёмным жи-

телям.

Он скосил взгляд на чашку и поморщился, будто ему подали грязной болотной воды.

- Сладкого не найдётся?

- Мне без надобности.

Он рассмеялся.

- Жаль, - протянул он, щурясь. - Без сладкого серьезные разговоры получаются слишком горькими.

- Хватит болтовни, - отрезала Майра. - Кто ты и что тебе нужно?

Он хищно наклонил голову чуть вбок, не двигаясь и не мигая. Улыбка растянулась, и Майра увидела, как она буквально рассекает лицо - не человеческая, слишком широкая. Взгляд - невинный и опасный одновременно.

Словно перебирая гардероб перед свиданием, гость лениво сменил два, может три облика. И, конечно, остановился на самом отвратительном.

- Ребёнок? - скривилась Майра. - Фу. Подло.

На высоком стуле теперь сидело что-то маленькое и хрупкое, в пальто не по размеру. Только глаза остались прежними.

- Смертные говорят, - протянул он, с детской непосредственностью болтая ногами, - что облик ребёнка вызывает доверие. Помогает? Уже доверяешь?

- Больше, чем родной матери, - без эмоций ответила Майра. - Ещё немного, и усыновлю.

Гость расхохотался, потягиваясь, как кошка.

- Ты свою мать ненавидишь, - фыркнул он, светлые кудряшки вздрогнули. - Маленькая лгунья.

Майра чуть пожала плечами - как будто вопрос касался прогноза погоды, а не её семьи.

- Ненависть - слишком энергозатратно. Вопрос прежний: что тебе нужно? И кто ты?

Гость улыбнулся - медленно, словно растягивал чужое лицо изнутри. Кожа на щеках натянулась, рот расплылся до ушей, и на миг показалось - маска вот-вот треснет, и из-под неё вылезет кто-то другой.

- А кем ты хочешь, чтобы я оказался? - прошептал он.

Будь осторожна, - шепнуло что-то внутри. Голод решил её предупредить - будто ей нужны напоминания.

С Тёмными не шутила даже она. Да, можно было обменять чужие воспоминания на услугу или продать за звонкую монету, можно было флиртовать с чародеями или нежитью - но устроить безумное танго там, где все покрыто медвежьими капканами? Исключено.

Майра медленно выдохнула и наклонилась чуть ближе.

- И что же ты мне предлагаешь? - спросила тихо. - Угадать?

Гость лениво пожал плечами, но Майра чувствовала: ответ уже есть, главное понять, за какую ниточку тянуть.

- Вошёл без приглашения - значит, не гуль и не вампир. Те обожают ритуалы, без «проходите, пожалуйста» с места

не сдвинутся. Тело плотное, чашку держишь уверенно - не призрак. И не маг, иначе уже заткнул бы меня каким-нибудь заклятием принудительной вежливости. Значит либо человек с даром, либо кто-то постарше. Гораздо.

Гость не шелохнулся, но уголок губ дрогнул.

- А раз смертных презираешь так явно, - продолжила Майра, - остаётся одно. Древний.

Тишина треснула. В глазах ребенка вспыхнуло яркое сапфировое пламя.

Майра едва не выругалась. Сердце пропустило удар, и всё же она удержала лицо. Только язык на секунду коснулся пересохших губ, прежде чем она отвела взгляд.

Не смотри. Не дай зацепиться.

Не все Древние представляли угрозу, некоторые были просто остатками старых легенд, усталыми и тихими, коротающими вечность в людских телах. Но те, кто сохранил силу, не прятали её и не сдерживали. Им не нужно было желать зла, чтобы творить разрушение - они делали это, как дышали. Бывшие боги играли с людьми, как с игрушками: могли заставить плясать до изнеможения из простого любопытства. Или зевнув проклясть - случайно, невзначай.

Майра представила, как её кожа белеет и покрывается гнойными струпьями, и содрогнулась.

- И чего тебе надо? Воспоминания?

Она подняла глаза над шкафчик у стола и прищурилась, пытаясь вспомнить, что там хранилось. Когда она пополняла

запасы? Кажется

- Могу предложить «первую любовь», пару утренних сожалений и одно вечернее «зачем я это сказала». О, есть еще «романтическое недоразумение» - отдам три по цене двух. Очень выгодно.

Она уже потянулась к полке с дешевыми экземплярами, когда голос за спиной стал ниже и резче:

- Оставь этот хлам для других простаков. Есть конкретный заказ. Забери воспоминание у человека и передай мне. Без его ведома.

Майра замерла, потом коротко и зло рассмеялась.

- Милый, я не занимаюсь кражами. Либо выбирай из того, что есть в меню, либо проваливай.

Гость чуть приподнял верхнюю губу, показывая острые кончики зубов. Воздух между ним и Майрой сгустился.

- Что тебе стоит? - прошептал он, по-птичьи склоняя голову. - Ты же воруешь воспоминания. Так что тебе стоит?

Майра тряхнула волосами и откинулась на спинку стула.

- Ворую? - протянула она, растягивая слово. - Ты мне льстишь. Я беру то, что мне сами предлагают.

Древний взял чашку, понюхал, но пить не стал - только посмотрел на мутно-жёлтую жидкость, так, словно она его оскорбила.

- Ещё одна ложь, - сказал он ласково. - О тебе ведь ходят слухи. «Хочешь лучший товар - иди к Майре». Так говорят. Он приподнял бровь.

- Сколько в твоём хранилище чужих воспоминаний, добытых *без согласия*?

Воздух в комнате стал тяжелее. Майра не ответила сразу. Пальцы сжались на подлокотнике стула, но лицо не дрогнуло. Сколько их было - десятки? Сотни? Считать она не любила, да и теневой бухгалтерии не вела.

Мысль кольнула глубже, чем хотелось. Но другое мучило сильнее - кто её, чёрт возьми, сдал?

- У вас, Древних, столько свободного времени, а тратите его на беспочвенные сплетни, - сказала она ровным тоном.

Гость смотрел, не отрываясь. Утягивать воспоминания вместе со снами у людей, спящих в метро, - всё равно что бросить камень в окно, мелкое преступление. Память и сны располагаются совсем близко, нетрудно перепутать.

Продавать их Древним - тоже не смертельно. Но целенаправленно охотиться на чужую память - совсем другая история.

И как он узнал, что она на это способна?

- Не бойся, - сказал он с ухмылкой. - Я не проболтаюсь. У меня для тебя есть предложение. Очень выгодное.

- Определи «очень», - Майра лениво провела пальцем по краю кружки, но калькулятор внутри уже щелкал, подсчитывая выгоду и риски.

- В три раза больше, чем ты берешь за самый дорогой экземпляр. Но дважды предлагать не стану.

Алчность всегда была ее слабостью - сестра голода, змея

под кожей. Майра почувствовала, как она пошевелилась. Глупо поддаваться на такую очевидную ловушку, но соблазн оказался слишком велик.

- Откуда мне знать, что ты не лжешь? - спросила она. - Ты не мой клиент. Я тебя не знаю и вижу впервые.

Древний попытался улыбнуться, но мышцы лица будто перестали слушаться. Его перекосило, узловатые пальцы застучали по столу - нервно, слишком быстро.

- Сказал же, дважды не предлагаю, - надавил он, тон стал грубее. - Не думаешь, что твои приятели, прочие пожиратели снов, будут сговорчивее?

Майра отпила из кружки, прикрыв глаза. Стоит ли вести этот разговор дальше? Стоило взглянуть на гостя, и ее тут же накрывало усталостью, точно она всю ночь таскала неподъемные ящики и коробки.

Тянет из нее силу? Да нет, вряд ли, здесь что-то другое.

- Ты не знаешь, о чём говоришь. Мои друзья не доверяют лживым сказочникам, - произнесла она с ледяной вежливостью. - И им всё равно, сколько ты готов выложить за преступление.

И тут взгляд гостя стал резче и живее, словно в своей голове он что-то просчитал.

Он медленно обвел комнату глазами - полки, статуэтки, стекло, где отражалось её лицо. Майра таскала домой всё, что казалось ей красивым, точно сорока. Теперь это обернулось не в её пользу.

- Красиво у тебя тут, - произнес он тоном, где похвала звучала как упрек. - Всё это, должно быть, стоило недешево? Может, мне увеличить гонорар?

Майра лениво пожала плечами, взгляд стал холоднее.

- Любовь к красивым вещам - не преступление.

Он тихо усмехнулся - без прежней самоуверенности, взгляд стал оценивающим.

- Понял, - сказал Древний, наклоня голову. - Ты не из тех, кто бежит за звоном монет.

Пауза тянулась и тянулась, а потом гость поднял голову и улыбнулся.

- Тогда предложу нечто другое. То, от чего ты действительно не сможешь отказаться.

Костистая, совсем не детская рука нырнула за пазуху, и Древний достал из кармана пальто что-то маленькое и блестящее. И держал это с трепетной бережностью, от которой у Майры волосы дыбом вставали.

Склянка из сапфирового стекла мерцала мягким светом, внутри перекачивалось что-то густое и тягучее. Майра насторожилась, чтобы не дать понять Древнему, что заинтригована.

- Что это? Яд?

Гость хрипло расхохотался, и смех глухо заурчал где-то в его животе, точно он был совершенно полный внутри.

- О, нет, милая, - он кончиками пальцев поднял пузырек за крышку. - Это амброзия. Ты что, не слышала?

Кто же не слышал об амброзии? Мифический напиток, рецепт которого доступен только Древним. Говорили, что с его помощью можно получить второй шанс в схватке со смертью. Но Майра пока не собиралась покидать этот бранный мир, так зачем?...

- Люди с незапамятных времён мечтали заполучить её, - продолжал Древний, самодовольно покачивая пузырьёк. - С помощью амброзии можно излечить любую болезнь. Даже смерть. Но для таких чудовищ, как ты она почти бесполезна. Почти.

Он посмотрел на неё с тяжёлым намёком. В животе что-то дернулось, и всё вокруг словно притихло.

- Мой голод - не болезнь, - сказала она, сдерживая злость. Каждый раз, когда кто-то напоминал ей о ее природе, она чувствовала, как цепи затягиваются туго.

- Но он причиняет тебе боль, верно? - его шепот был низким и пронизывающим, как порыв северного ветра. - Работай на меня, и амброзия твоя. Красть воспоминания и сны для тебя - так же естественно, как дышать.

Майра почувствовала, как голод тревожно зашевелился, но оставалась спокойной. Шутки с Древними - всегда риск. Они играют не по тем правилам, и даже если не могут выиграть, то вывернут игру так, чтобы победителя не было вовсе.

Но столь щедрое предложение ради какого-то воспоминания - это слишком. Ею манипулировали, как послушной марионеткой.

- Ты говоришь только о том, что будет, если я соглашусь. Но что, если откажусь?

Она снова взглянула на пальто, где поблескивали пуговицы в виде человеческих костей. Перевела взгляд на жуткое лицо, к которому никак не получалось привыкнуть, на деформированные пальцы. Да, она монстр. Но тот, кто сидел перед ней, был намного страшнее.

Древний разулыбался, вместо детских молочных зубов во рту сверкнули акульки клыки, три ряда чистого ужаса. Невинное лицо ребёнка с пастью зверя - кошмар, достойный самых тёмных снов.

- Ты вольна отказаться, не стану настаивать. Но в таком случае кое-кому из Шабаша будет очень интересно узнать имя того, кто сбывает человеческие воспоминания. Незаконно добытые воспоминания. Слово здесь, полслова там - и Совет готовит обвинительный приговор.

Древний визгливо расхохотался, будто сама мысль о наказании вызывала в нем восторг.

- Они закрывают глаза на то, что ты - и тебе подобные, - он выплюнул это сквозь зубы, как ядовитого паука, - питаетесь чужими снами. Но воспоминания? Нет, этого не простят. Как думаешь, какая мера предназначена монстру, что обкрадывает смертных?

Он улыбнулся - предвкушающе. Но она и без его намёков знала ответ. Не заключение в Дуат, где либо рехнёшься, либо сдохнешь от голода. Её ждет высшая мера - казнь.

- Есть и другой путь. Я заткну уши Совета. Никто не до-несет, слухи умрут. И - амброзия. Очень выгодная сделка.

- Даже выгоднее, чем «романтическое недоразумение» три по цене двух, - Майра фыркнула. Решение уже было при-нято, но где тот подводный камень, об который она обяза-тельно споткнется? - Так что нужно сделать?

Древний блеснул глазами и уселся поудобнее, словно на-стоящий разговор только начинался.

- Пустяки, милая. Всего одно воспоминание - и всё это, - он чуть покачал склянку в воздухе, - твоё по праву.

Майра молчала, сжимая кружку. Он явно наслаждался шоу.

Он вдруг сменил облик, и перед ней снова оказалась де-вица с густой черной подводкой, с той же жуткой улыбкой, что в метро. Видимо, этот образ нравился Древнему больше остальных.

- Ну что, детка, - сказала она, хлопнув ресницами, - обсу-дим условия сделки?

На столе материализовалась карта: потертая, изъеденная временем, будто десяток лет пролежала на чердаке. Но сто-ило взглянуть, и сомнений не осталось - это не туристиче-ский хлам из киоска с сувенирами.

Ветхая бумага шептала магией. Дома, выведенные черни-лами, сияли - лимонным, бирюзовым и охрой. Над крышами мерцали крошечные символы: монета, ключ, кость - части хитроумных созвездий Столицы.

Майра едва дышала. На столе, между пятнами от чая и подпалинами от неловких ритуалов, лежала легенда - Паучья Сеть. Карта, о которой судачили вампиры, за информацию о которой дрались некроманты и ради которой маги решались на убийство. Сеть показывала Тёмную Столицу так, как её видят только Древние - целиком.

Гость склонился над картой и ткнул пальцем в одно из светящихся мест. Дом, вычерченный со скрупулезной тщательностью - от витражей до покосившейся трубы, - переливался бронзой. Над ним лениво вращалась эмблема шестеренки.

Майра нахмурилась.

- Механик? Серьёзно?

Через секунду мысленно вlepила себе пощёчину: обычных людей Сеть попросту не видела. Смертные для неё были муравьями: суетливыми, шумными и совершенно неинтересными.

- Вот твоя цель. Сливовая улица, дом номер четыре, - сообщил Древний, будто озвучивал меню дня. - Дом милый, гостеприимный. Любит гостей.

Он хохотнул. Майра склонила голову, глядя, как бронзовые всполохи переливаются на карте.

Спохватившись, гость снова нырнул в руку в карман.

- Чуть не забыл!

На цепочке, зажатой в пальцах, блестел серебряный медальон.

- Что это? - спросила она сухо.

Медальон выглядел тяжелым и старинным, как осколок прошлого посреди ярких плакатов на стенах и смешных кружек в шкафчике. От взгляда на руны, выгравированные в металле, что-то внутри противилось самой идее взять его в руки.

- Просто ключ, - ответил Древний почти невинно. - Чтобы дверь не кусалась.

А потом ткнул пальцем в карту:

- Его имя - Орфей. Но давай не будем драматизировать, ладно?

«Орфей.»

Имя вылетело из его уст и осело в воздухе, как иней. Майра отшатнулась, стул под ней жалобно скрипнул.

- Старшая Школа?! - она рассмеялась, но смех вышел нервным и злым. - А можно мне сразу выкопать себе могилу и не тратить время на дорогу?

Древний раздраженно сощурился и молниеносно схватил её за запястье. Ногти впились в кожу, оставив миниатюрные полумесяцы. Боль отрезвила, но ненадолго: страх, как тёплая смола, уже растекался по венам.

- Украсть воспоминание у мага Старшей Школы - даже не самоубийство. Это роспись в собственном завещании.

- Прекрати паниковать, - процедил Древний. - Он будет спать. Всё просто. Зайдёшь, возьмёшь, уйдёшь. Никто не узнает. Помни, что стоит на кону.

Майра глубоко вдохнула, медленно выдохнула. И мыслен-

но выругалась. По-хорошему, надо было хлопнуть дверью и забыть, что вообще существует слово «амброзия». Но разве она сможет исчезнуть в Столице?

- Не вздумай его дурманить, - сказала она, уже смиряясь.
- Потом память не выудишь.

Древние не ввали, и если говорит, что проблем не будет
- значит, так и есть.

Гость рассмеялся хрипло, с видимым удовольствием.

- О, не переживай. Он уснет сам.

Сон третий. Бай

Когда Майра наконец взяла трубку, за окном давно стояла ночь - вязкая, как чернила. На том конце провода Бай дышал тяжело; его наверняка трясло от ярости.

- Наконец-то! - голос Бая хлестнул плетью. - Я сто раз тебе звонил!

- Всего восемьдесят четыре, - лениво отозвалась Майра, пробираясь босиком из спальни на кухню. - Но мне приятно, что ты ведёшь счёт.

В темноте, разлитой по квартире, мерцали синим зачарованные кристаллы. То ли давно пора было зарядить, то ли Древний своим присутствием поглощал магию, как чёрная дыра - но ещё немного, и она иссякнет совсем. Придётся идти к Леде на поклон за новыми.

Даже после того, как он ушёл, в кухне плавал тёмный силуэт Древнего. Утомлённая разговором, Майра упала лицом в подушку и продрыхла до нового звонка - настырного, как спам-реклама.

- И три сотни сообщений, между прочим.
- Двести пятьдесят. С копейками.
- Спасибо за уточнение. Что бы я без тебя делал? - по телефону Бай звучал ворчливо, как ветхий дед-упырь, которого непутёвые потомки вышвырнули из родного склепа.

Майра открыла холодильник, зажмурилась от ледяного

света, и устало бросила:

- Научился бы считать самостоятельно. Что тебе нужно?

На стеклянных полках не было ничего, кроме батареи разноцветной газировки - розовой, фиолетовой, неоновозелёной. Вся эта химическая радуга с утра пораньше вызывала одно желание: вернуться под одеяло и сделать вид, что мира не существует.

Но голод урочно урчал. Майра взяла первую попавшуюся банку, дёрнула язычок и сделала первый глоток. Тварь внутри рыкнула, но быстро утомилась, зачарованная шипением пузырьков.

- Заработаешь себе язву, - проворчал Бай. Сквозь помехи доносились его шаги - ровные, уверенные, как метроном. Сразу представилось: идёт по переулкам Столицы в холодной ночи. Никто толком не знал, где он кормится - только то, что уходит перед закатом, а возвращается на рассвете, сытый и довольный, как кот весной.

- Это удел смертных, - зевнула Майра. - Максимум, что мне грозит, - изжога.

Она сделала ещё один глоток и спросила:

- Как продвигается рукопись?

- Стрелки не переводит, ага?

Газировка оказалась одновременно кислой и приторной, рот свело, будто она хлебнула жидкого азота. Майра поморщилась, покатала привкус на языке и спросила снова:

- Ладно. Что хотел?

- Снег пошёл.

Смотреть за окно не требовалось - она и так чувствовала стылый холод, что протискивался в щели рамы, петлял по квартире и больно вгрызался в босые ноги. Именно поэтому она и не брала трубку. Страх ожил в её позвоночнике, обнимая Майру со спины холодными руками.

- У меня плохое предчувствие, - сказал Бай. - Что ты задумала?

Горло свело, будто кто-то обмотал его невидимой петлёй. Майра поспешно сделала ещё глоток.

- Ничего, - сказала она непринужденно.

- Майра, ты обещала - Бай повысил голос, точно пытался докричаться. Странно, что ещё не возник за дверью: схватить за шкурку и встряхнуть, выбивая дурные мысли из легкомысленной головы.

- Всё в порядке, - сказала она спокойно, хотя жестяная банка проминалась под пальцами. - И перестань использовать связь, чтобы залезть ко мне в голову.

- Может, мне просто нравится быть ближе.

Связь, о которой она упомянула, была односторонней. Впрочем, неудивительно - Майра вообще редко желала каких-то связей. Но магию, как обычно, никто не спрашивал.

Из-за этой прихоти силы у Бая в голове звенел колокольчик каждый раз, когда Майра лезла туда, куда не стоило. На этот раз лезла осознанно и уж точно не собиралась сдавать назад: плата была слишком хороша, чтобы вспоминать о со-

вести.

Она подошла к окну, не обращая внимания на ворчание Бая в трубке. За стеклом медленно кружились белые хлопья, оседая на застывших крышах.

Действительно, падал снег. Дурной знак.

В день, когда Майра первый раз оказалась в Столице, тоже шел снег. В поезд она садилась глубокой дождливой осенью, а на место прибыла уже зимой. Метель настигла состав на полпути, а потом унеслась вперёд, засыпая дорогу мелкой белой крупой - точно свадебным рисом. Разница была лишь в том, что ехала Майра на поминки.

Она перекусила снами соседей по купе, а потом долго смотрела в полумраке на проплывающие фонари за окном, пытаясь не дрожать - не от холода, а от странного чувства, будто жизнь только что проломила под ней лёд.

В тесном купе не хватало воздуха, сосед негромко похрапывал на верхней полке, а за тонкой дверью кто-то вполголоса переругивался с невидимым собеседником, а после полуночи затянул тоскливую песню, напоминающую о доме.

Пожирателям снов почти никогда не снились сны, но раз или два в год Майра всё же засыпала - и видела то, с чего всё началось.

Тёмный вагон, в котором остро ощущалось её одиночество.

Заснеженное кладбище.

Сухой скрип снега под сапогами.

Десяток чёрных фигур по колено в сугробах, сгрудившихся вокруг распахнутой могилы. Из ямы тянуло холодом и ржавчиной, как будто кто-то открыл старую дверь, а за ней не было ничего, кроме зимы.

- Вы на прощание? - спросила хмурая женщина, сжимая воротник пальто.

Майра лишь кивнула, глядя на нитки, выбивающиеся из швов её дешевого костюма - будто сосредоточившись на них, можно было избежать остального.

- Проходите.

У тех, кто пришел попрощаться, были одинаково растерянные лица - точно они всё ещё надеялись, что это недопонимание и покойный вот-вот извинится за причинённые неудобства.

Майра пристроилась сбоку, за плечом парня в вязаной шапке, и прислушалась к себе: пусто. Ни скорби, ни жалости - только холод и желание, чтобы всё это побыстрее закончилось.

Речей никто не говорил. Присутствующие переминались с ноги на ногу, как зрители, которым пообещали антракт, но скучнейший спектакль всё длился и длился.

Она озябла, была голодна и измотана. А с фотографии на неё смотрела почти точная копия - светлая челка, тонкие губы, знакомая усмешка. Но снимок был старый и не отражал даже сотой доли того, что горело в зелёных глазах Илая, ко-

гда он по-настоящему улыбался.

Распорядительница похорон нервно ходила по периметру, вещая в телефон. Судя по интонации, обсуждала не чужие утраты, а скидку на венки. Она даже не заметила, как в яму вместе с домовиной упала горсть чёрного песка - лёгкого, как сажа, и блестящего, как грех.

Гробовщики, ждавшие окончания церемонии, широко улыбались, а их зелёные зубы мерцали, выдавая истинную сущность. Слишком длинными были тени, слишком голодными - глаза.

Потом всё кончилось. Майра дождалась, пока остальные отойдут подальше, и приблизилась к могиле, опускаясь на колени. Никаких сожалений, никакой боли в груди, только голод скребся, подцепляя острыми когтями желудок. Несколько часов она ещё протянет, а потом придётся ужом вертеться в поисках пропитания. Но она подумает об этом потом, за воротами.

- Не возвращайся, - тихо сказала она, подхватывая мерзлый ком земли и швыряя его в яму. - Не возвращайся, Илай.

Парень в вязаной шапке, похоже, не спешил уходить. Остановился под ближайшим деревом, прислонился к стволу и закурил. Майра ощущала между лопаток его взгляд - точный, холодный, как лазерный прицел. Когда она поднялась, незнакомец уже двинулся навстречу.

- Кто ты? - спросил он, подозрительно шурясь. - И чего здесь ищешь?

Майра выдержала паузу, стряхивая снег, что оседал прямо на макушку и мгновенно таял в волосах. И стянула шарф с лица, позволяя незнакомцу рассмотреть себя. Тот захрипел, втянув дым в лёгкие, и тут же закашлялся.

- Ты!.. - прохрипел он, едва не выронив сигарету.

Взгляд метнулся к могиле, где гули уже деловито сгребали землю лопатами. А с фотографии Илай глядел с той самой усмешкой, будто говорил: *поздравляю, догадался наконец, тупица.*

Следить за тем, как менялись эмоции в чужих глазах, было любопытно: удивление, шок - и сразу паника.

- Успокойся, - сказала Майра, взъерошивая мокрую чёлку. Снег таял на щеках, превращаясь в холодные капли. - Никто не собирается возвращаться с того света. Илай не упоминал, что у него есть сестра?

- Он вообще ничего о себе не рассказывал, - парень закурил снова, не сводя с неё взгляда. - А мы не спрашивали. Так что ты, выходит, сестричка?

Такая же, как он? Такая же, как мы? - вот что он на самом деле хотел спросить.

Голод шевельнулся под рёбрами - остро, как укол. Майра зашипела, прижимая ладонь к животу.

- Слишком много вопросов, - бросила она. - А кто ты такой?

Друг или враг? Пришёл проводить Илая или убедиться, что тот больше не восстанет? Не за тем ли и сама Майра при-

ехала - посмотреть своими глазами, что брат больше никому не причинит боли?

Тишину разбавлял глухой стук лопат, врезающихся в промерзшую землю, и ворчание гулей. Когда закончат, наверняка решат поужинать, и Майра предпочитала уйти до того, как кто-нибудь из них решит, что она выглядит аппетитно.

- Бай, - сказал парень, бросая потухший окурок и протягивая руку.

- Никаких «приятно познакомиться»? - уточнила Майра, криво усмехнувшись. Холод щипал за щеки и кусал пальцы сквозь тонкие ботинки. - Грубовато.

Она взялась за протянутую руку - и тут же дёрнулась назад. Между их переплетёнными пальцами вспыхнули разноцветные искры, больно впившись в кожу. Снег вокруг на миг окрасился неонов и снова стал белым.

- Интересно, - протянул Бай, рассматривая ладонь. - Такого точно быть не должно.

Майра прикусила губу до боли. Конечно, не должно. Одно прикосновение - и внутри что-то дрогнуло, раздвигая ребра. Не голод. Что-то хуже.

Она отвела взгляд, чувствуя, как воздух между ними густеет. Если гули начнут охоту, она рванет к воротам первая.

- Ты надолго в Столицу? - спросил Бай невпопад, рассеянно потирая лицо ладонью. Его бледные, точно у мертвеца, щеки окрасились в пепельно-розовый. Майре в лицо дохнул стылый кладбищенский холод.

Столица манила обилием возможностей, волнующим ароматом свободы. Какие сны у столичных жителей, уставших от бесконечной суеты? Дома приходилось питаться кислосладкими грезами о получке, которую дали на день раньше, или об акциях в местном магазине.

Возвращаться Майра не планировала. На дне рюкзака лежала скромная записка на чёрный день, два комплекта сменной одежды и блокнот - новый, без единой записи.

Купила его на вокзале, не раздумывая, будто собиралась вести дневник. Но то ли воздух в купе не располагал к открытиям, то ли просто нечего было доверить бумаге - страницы так и остались чистыми.

- Собираюсь задержаться ненадолго, - сказала Майра, на ходу перебирая варианты ночлега.

Больше всего привлекали hostels. Чем теснее комната и чем больше в ней людей, тем лучше. Дёшево, шумно - но зато можно не голодать. Когда освоится в Столице, решит, чем заняться дальше. Но не раньше, чем скука начнёт грызть по-настоящему.

Бай кивнул, стряхивая снег с плеч. Покопался в карманах и выудил чёрную ручку. Кончики его пальцев были измазаны чернилами, словно он проводил дни, заполняя бесконечные бланки и квитанции. На студента не походил, чересчур взрослым был взгляд.

- Держи, - сказал он, протягивая чек - единственное, что нашлось в куртке.

Майра послушалась, но скорее от неожиданности. Бумага мгновенно размокла в ладони, чернила поплыли, оставляя темные пятна на пальцах, будто следы чужих мыслей.

- Что это? - спросила она, неуверенно разглядывая листок. Ожидала увидеть номер телефона, но вместо цифр обнаружила строчки, похожие на замысловатый шифр.

Бай перевёл взгляд на могилу, до половины засыпанную комковатой мерзлой землей.

- Адрес, - сказал он. - Нас осталось слишком мало, надо держаться вместе. Комнат хватает - найдём, где пристроить твоё барахло.

Это звучало как предложение. Или предупреждение. Майра сглотнула тугой ком в горле и решительно спрятала записку во внутренний карман. Друзья бы ей сейчас не помешали.

- Представляю, какие у них будут лица, когда ты появишься, - хрипло рассмеялся Бай, и впервые его лицо озарилось неподдельным весельем. - Такие будут рожи умираю, как хочется посмотреть!

Эти «они» врезались Майре в голову, как застрявшая пуля. Другие? Такие же, как она?

Раньше были только они с Илаем. Потом осталась она одна. Родителей она в расчёт не брала: они напоминали картонные декорации - вроде бы рядом, но на самом деле где-то далеко, в своём мире.

Бай хихикнул, покачивая головой, и направился к кова-

ным воротам. Майра пошла следом, отставая на десяток шагов. За оградой он обернулся.

- Ах да, - сказал он. Майра инстинктивно попятилась: обычно такие слова звучали перед ударом. Но Бай не нападал.

- Не знаю, как у вас там заведено, - он мотнул головой в сторону захолустья, откуда она прибыла, - но в Столице надо держать ухо востро.

Майра прищурилась. Тонкая нить связи, протянутая между ними несколькими фразами, натянулась - дёрни чуть сильнее, и порвётся.

- И что дальше? - холодно уточнила она. - Дань платить потребуешь или жертву Столице принести надо, чтобы приняла?

Она хотела спросить и про искры, и про то странное, почти болезненное жжение в груди - но решила не дразнить тигра: уставшие глаза Бая уже вспыхивали чем-то вроде веселой злости.

- А ты забавная, - хмыкнул он, доставая сигареты. - Жалко, что с чувством юмора у меня туго, я бы посмеялся.

Снег оглушительно захрустел, когда гули неторопливо двинулись в их сторону. Майра нервно дернула себя за волосы, но Бай только цокнул языком:

- Не тронут они тебя. Побрезгуют.

Предсказание сбылось до последнего слова: нежить протопала мимо, закинув на плечи измазанные глиной лопаты.

Рядом с этими любителями мертвечины Майра ощущала себя мелкой букашкой - даже самый тщедушный возвышался над ней на две головы.

- Почему?.. - спросила она, растерявшись.

- Ты - монстр, - спокойно сказал Бай и пожал плечами, будто речь шла о погоде. Для него это слово явно было чем-то вроде старых ботинок - фасон не модный, подошва треснула, зато привычно и удобно.

- Прекрасно, - хмыкнула Майра. - То есть я теперь официально стою в пищевой цепочке ниже зомби.

Бай не отреагировал. Только уголок губ дрогнул - и стало ясно: всё прекрасно понял, просто решил не комментировать.

- Но ведь они питаются гнилым мясом. Человеческим! - Майра взмахнула руками. В её представлении гули, разрывающие могилы, были куда страшнее, чем она сама.

- Да. И это их природа. Ты сама сказала - пищевая цепочка, - голос у него оставался спокойным, почти ленивым. - Чем питаешься ты? Для чародеев и нежити ты хуже грязи под ногами. Привыкай, если хочешь выжить.

Майра до боли прикусила щёку, металлический вкус крови чуть остудил злость. В её родном городе всё было иначе.

- И что, у вас тут есть правила? - спросила она раздражённо, чувствуя, как голод скребётся всё сильнее. - Просвети, раз уж ты местный эксперт.

Бай запрокинул голову и выдохнул дым в серое темнею-

щее небо.

- Не нарушай законов Столицы. Не связывайся со Школами. Не подставляй нас под удар.

- А если - Майра дернула плечом, и вопрос повис в воздухе.

Он подошёл так близко, что в его серых глазах она увидела своё отражение. Губы его чуть шевельнулись, он наклонился и прошептал ей в ухо:

- Если ты хоть что-то нарушишь, я избавлюсь от тебя так быстро, что никто не вспомнит, что ты когда-то существовала. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Теперь, спустя годы, Майра собиралась нарушить два правила из трёх.

Сон четвертый. Дом номер 4 по Сливовой улице.

Ночь для вылазки Майра выбрала идеальную - долгожданное полнолуние. К тому же, с обеда небо затянуло тяжелыми тучами, обещающими то ли снегопад, то ли ливень после заката.

Перед уходом Древний напомнил равнодушно:

- Не ставлю сроков. Но тебе же будет выгоднее завершить дело как можно скорее.

Она проводила его взглядом, пока тот не исчез в темноте, и только тогда коротко выдохнула. Наконец-то! Хоть что-то, от чего кровь течет быстрее. Зима в Столице могла свести с ума от скуки.

Неделю с лишним спустя Майра кралась по неосвещенным коридорам дома номер четыре по Сливовой улице. Если Паучья Сеть не солгала, спальня Орфея находилась на втором этаже - за шелковым пологом цвета фуксии. Видимо, существование дверей хозяин дома отвергал из принципа.

План был до смешного прост: зайти, взять, уйти. Легче легкого, именно с таких слов обычно всё и шло к чертям.

С самого начала она была готова к любому повороту, но все равно вздрогнула, когда зеленый - и это в ноябре! - виноград над крыльцом дома номер 4 шевельнулся.

Древний не солгал: стоило достать медальон, как сторожевые лозы замерли, а дверь послушно распахнулась.

Бесшумно скользя по залитым тьмой комнатам, Майра невольно удивлялась: как всё это вообще должно сойти ей с рук? Дом вибрировал силой - тяжёлой, тёмной. Половицы шли волнами, будто дышали вместе с ней, пока она торопливо пересекала гостиную.

На второй этаж она поднималась медленно: перила оказались ледяными, пальцы царапал иней, а ступени будто ускользали из-под ног, как бывает в человеческих снах. Майре показалось, что она и сама заперта в одном из таких снов.

Ей доводилось бывать в домах чародеев - по работе, по глупости и пару раз из любопытства. Но ещё ни один не рассказывал о своём хозяине так откровенно. Дом Орфея пульсировал от переполняющей его Силы, вязкой и сладкой. Но эта сладость тяжело дышала в спину, оседала на языке.

Здесь жил маг Старшей Школы. Если поймут, все ужасы Дуата, тюрьмы для магов и монстров, покажутся детской сказкой. Орфей вполне способен испепелить ее на месте. Или вырвать сердце - просто из холодного научного интереса.

Шабаш, конечно, и бровью не поведёт. Никаких разбирательств, никаких выговоров.

Снаружи особняк из красного кирпича казался крайне скромным, никаких мраморных колонн, источников бесконечного электричества, затейливых иллюзий, танцующих в

темноте.

Но стоило переступить порог - и внутри обнаружилось слишком много всего: комнат, закутков, переходов, тупиков, которых по плану дома быть не могло.

Жутковато. И то чувство, что за ней наблюдают - спокойно, без любопытства, как на насекомое под стеклом, - становилось только сильнее.

Замерев на площадке второго этажа, Майра окинула взглядом коридор. Тот уходил в обе стороны мягким полукругом, будто специально, чтобы запутать любого, кто осмелится сюда войти. Темнота скрадывала углы и размывала картины на стенах - от них оставались только блики и тени, похожие на глаза.

Где-то в глубине особняка раздалось глухое ворчание, призрачный лай и короткий свист.

Если верить Древнему, хозяин должен был спать, но что-то в доме явно бодрствовало.

- Ну и где тут спальня, - пробормотала Майра, сдувая прядь, прилипшую к взмокшему лбу. - Карты, конечно, не прилагается Навигатор бы здесь не помешал.

Словно откликаясь на ее шепот, зажатый в руке медальон нагрелся и завибрировал.

Майра подняла безделушку ближе к лицу. Узоры на темном серебре вспыхнули, закружились и потянулись влево, нарушая все мыслимые законы физики.

- Ну хоть кто-то здесь знает, куда идти, - пробормотала

она и спрятала артефакт в карман.

Коридор раздваивался, ветвился, множился дверями и арками, пока не начинало казаться, что дом играет с ней - кружит, путает, чтобы она до конца дней блуждала по этим коридорам. Долго бродить не пришлось.

Комната Орфея нашлась сразу за очередным поворотом.

Полог из лилового шелка дрожал на неосязаемом сквозняке. Майра кончиками пальцев отодвинула скользкую ткань в сторону, чтобы войти.

Спальня чародея встретила её полумраком и сладковатым запахом жженных трав. Майра замерла у порога, давая глазам привыкнуть к мягкому свету прикроватной лампы, и только потом осмотрелась.

Комната оказалась пуста - если не считать кровати и массивного стола, заваленного книгами в кожаных и бумажных переплетах. Некоторые корешки развалились от старости, страницы торчали наружу, как кривые клыки в оскаленной пасти.

Между книгами тянулись пустые склянки и пробирки, рядом сиял роскошный алхимический набор и коллекция камней, разложенных на чёрном бархате по оттенкам - от тьмы к свету.

На столике у кровати копошилась тощая книжонка без обложки, нервно перелистывая страницы. Майра шикнула на неё раз, другой - и та, вздрогнув, стихла.

Подумав, Майра осторожно взяла со стола одну из проби-

рок. Воспоминание можно нести и в кармане, но заказчик не обрадуется, если к его драгоценному товару прилипнет пыль или забытый билет на метро. Она проверила пробку, убедилась, что стекло не треснуло, и уже собиралась двинуться дальше, когда взгляд сам собой скользнул к кровати.

Там, в мягких тенях, спал мужчина, и его черты, смазанные темнотой, показались ей знакомыми. Майра медленно подошла ближе, чувствуя, как сердце неприятно стукнуло в груди.

Опустившись на край кровати в надежде, что не скрипнут пружины, она всмотрелась в спящего.

Мужчина был не просто смутно похож - он и был тем самым. Парень из кофейни. Тот, кто отогнал кофейников и заговорил с Майрой, точно пытался пофлиртовать с пожирающей снов.

Столица показала свое извращенное чувство юмора, и мысль эта на вкус была горькой, точно отвар рябины.

Задержав дыхание, Майра любовалась тем, как размеренно поднимается и опускается его грудь, как тень ложится на щеку.

Он не шелохнулся, когда она наклонилась чуть ближе.

Растрепанные темные волосы, татуировки, петляющие по рукам - руны и знаки Старшей Школы, смысла которых Майра не знала и знать не хотела. На предплечье - часы, выбитые чернилами: секундная стрелка подрагивала под кожей, будто сердце, а минутная и часовая застыли на без четверти

полночь.

Орфей лёг спать, не сняв ни серег, ни цепочек. Металл мягко переливался на золотистой коже, отражая свет ночника, словно нарочно подчеркивая линии шеи и ключиц.

Надеюсь, там нет охранных амулетов, - мелькнуло у Майры, когда она позволила себе взглянуть чуть дольше, чем следовало.

Он спал спокойно, с лёгкой тенью улыбки на губах. Без задорной ухмылки, которая ей помнилась Орфей казался моложе, едва-едва перешагнувшим тонкую границу между юношей и мужчиной.

От вседозволенности кружилась голова. Майра, с трудом сдерживая смехок, провела кончиками пальцев по его волосам, заправила непослушную прядь за ухо, скользнула по щеке к губам. Орфей шумно выдохнул, и лицо стало растерянным - будто что-то смутило во сне. Но он проснулся.

С затаенным восторгом, точно ей удалось провернуть какую-то шалость и остаться безнаказанной, Майра потянулась к ночнику. Щёлк. Тьма разлилась по комнате.

Пора начинать.

Самый короткий путь к памяти лежал тропой снов. Грёзы Орфея пахли вишней и можжевельником, тепло чужого тела просачивалось в нее по капле - как яд и как благодать. Майра почти поверила: это её сон, это она пахнет сладко и пьяняще - а не та, кого Орфей жаждал во сне или наяву.

Это было опасно, и прежде чем иллюзия успела затянуть, Майра мягко её оттолкнула.

Времени катастрофически не хватало, и пришлось заставить себя двигаться дальше - к графитово-серебряной глупине, куда следовало заглянуть в первую очередь.

Орфей спрятал нужное воспоминание в дальнем и тёмном углу - там, где обычно прячут позорные детские истории, первые поражения и разбитые сердца. У каждого есть такое место. Хорошие воспоминания туда не отправляют, их выставляют на показ.

А здесь, внизу, под слоями пыли и забвения, таилось еще кое-что: сундук, набитый поблекшими образами. Из-под крышки сочился густой, зернистый туман, пропахший гнилой топью.

Если бы времени было чуть больше, Майра непременно заглянула бы внутрь- всегда полезно иметь козырь другой в рукаве. Когда речь шла о собственной шкуре, она всегда знала, где проходит грань, и с готовностью её переступала.

Но времени не было. С сожалением отведя взгляд от сундука, Майра поудобнее перехватила склянку. Подцепила ногтем то, за чем пришла: воспоминание - крошечная серая льдинка - звякнуло о дно пузырька.

Вот и всё. Можно уходить.

Она сделала глубокий вдох, стряхивая с себя пелену чужих снов - память оседала на ресницах розовыми каплями. Майра бесшумно поднялась с кровати.

А потом услышала хриплый голос, слишком трезвый для сна.

- Надеюсь, у тебя веская причина будить меня, Лука. Я страшно устал.

Майра застыла. Паника ударила волной. В висках загудело: уходи, уходи, уходи!

Майра отступила - вслепую, не разбирая дороги. В бедро врезался угол стола. Потревоженные колбы разом взорвались звоном. Что-то особенно хрупкое звякнуло, стоило Майре взмахнуть рукой.

Острая боль полоснула ладонь, заливая жаром от запястья до локтя. Закусив губу, она поднесла руку к лицу: в неглубокой ране торчали осколки разбитой реторты. Жидкая, зеленая кровь капала со стекла.

- Лука?

Орфей шевельнулся, приподнялся на локте, темные волосы упали на глаза. Раздраженно щурясь, он безуспешно пытаясь вырваться из крепкого плена простыней.

- Что случилось, Лука?

Майра рванула к двери. С лестницы полетела кубарем, каждая ступенька отбивала рёбра. А потом дернула дверь на себя. Закрыто. Закрыто!

- Открывайся! - она отвесила створке злобный пинок, и только потом додумалась вытащить из кармана амулет. Он качнулся на серебряной цепочке, и дверь, подумав, медленно приоткрылась.

Буквально на ладонь, и Майре пришлось, сдирая кожу, протискиваться в издевательский зазор. Порез на ладони горел, плечо ныло, дыхание сбилось - но все это потеряло значение, когда свежий воздух, пахнувший скорым снегом, ударил в лицо.

Майра впервые за ночь вдохнула полной грудью. Облегчение пришло мгновенно - горячее, почти опьяняющее.

Она оглянулась на секунду: дом из красного кирпича с коваными решетками выглядел спокойно, даже безобидно, но то была лишь иллюзия.

Майра шмыгнула в соседний переулок и побежала прочь, унося с собой в ладони склянку, из которой тянулся тонкий аромат магии.

В переулке, между киоском фаст-фуда и запертой на ночь аптекой, она остановилась перевести дух.

Ладонь ныла, каждая заноза отзывалась тупой болью. Стиснув зубы, Майра вытасила осколки - один за другим - и наблюдала, как порез стягивается на глазах. Кровь останавливалась, кожа белела, оставляя лишь тонкий след, который скоро исчезнет.

Плюсы быть монстром, усмехнулась она про себя, вытирая руку о джинсы, и двинулась дальше.

В поздний час на улицах встречалась только нежить.

У стены, под мерцающим фонарем, стоял вампир - худой, как игла. Он лениво поманил её ближе, путая с припоздлив-

шейся смертной. Майра помахала ему рукой.

Ошибку он понял быстро: побледнел ещё сильнее, отпрянул и растворился в подворотне. Удирал зигзагом, высоко подкидывая колени - будто за ним гналась стая мстительных духов.

Майра проводила его взглядом. Надо же, сколько их развелось. За последние два десятка лет популярность ударила кровососам в голову - размножаются, позируют. Винить их было не в чем - они хотя бы следовали своей природе. А вот тех, кто сам вешался им на шею ради дешёвого бессмертия и глянцевого грёз о романтике, Майра не жалела.

Древний ждал в условленном месте - под неоновым светом круглосуточного быстро с золотым треугольником на витрине, символом гостеприимства для столичных жителей.

Смертные по наивности думали, что ночные клубы и круглосуточные кафе открываются ради их удобства - чтобы было где переждать ночь, напиться, поплакать в туалете. Темные не собирались их переубеждать, пусть верят, что ночи принадлежат только им.

Так же как не стоило рассказывать, что любой такой «оазис» - на самом деле кормушка, и за стойкой вероятно может стоять тот, кто пьёт не только кофе. Золотой треугольник лишь предупреждал посвящённых: здесь можно утолить любой голод, если знаешь, как спросить. За свою беспечность человечество платит исправно - кровью, душами и снами.

Если бы не приснопамятное пальто с пуговицами из ко-

стей и вечное недовольство на лице, Майра вряд ли бы узнала клиента. Древний, покачиваясь на каблуках умопомрачительной высоты, нервно сновал перед входом. Образ голливудской дивы с золотыми локонами и томным взглядом безнадежно портило выражение старческого раздражения и поджатые губы.

- Чего копаешься? - рявкнул он, едва она появилась в поле зрения. И, не теряя ни секунды, протянул руку. - Давай сюда!

- Ага, разбежалась, - Майра остановилась в паре шагов, прищурившись. Она разглядывала его с откровенным недоверием: от прежнего ледяного самообладания не осталось и следа.

Древний переминался с ноги на ногу, перебирал пальцами воздух и бросал быстрые взгляды по сторонам, будто ожидал, что из тени вот-вот материализуется сам Орфей - или, хуже того, дозор Шабаша.

Майра приподняла бровь. Пока его руки были чисты, формально он не преступник. Так что же его так тревожит?

Для уверенности она коснулась пальцами нефрита в кармане. Если Древний решит играть в свои стариковские игры, сумеречные сферы быстро объяснят, что договоры нужно уважать. Большого вреда не нанесут, конечно, но отпугнуть - вполне.

- Сначала оплата, - сказала она хриловато, чувствуя, как голос дрожит от усталости и злости. Ноги подкашивались, тело ныло, но самое страшное уже позади. А важное сейчас

было в руках Древнего - и он явно не спешил завершать сделку. Тянет время, старый лис.

Тот насмешливо фыркнул, сунул руку в бездонный карман. Что-то глухо звякнуло, хрустнуло - и затрещало, будто он держал там ручную молнию в банке.

В следующий миг Древний оказался слишком близко. Сунул в её ладони ворох купюр, сыпанул сверху горсть золотых монет с чьим-то горбоносим профилем. Монеты казались древними, тяжёлыми, и Майра едва удержалась, чтобы не прикусить одну - просто для проверки.

- Вот, вот, забирай! - бормотал Древний сбивчиво, почти задыхаясь, будто боялся, что она сейчас всё отменит. - Отдай его! Сейчас же!

Майра едва успела поймать его руку, скользнувшую в её карман. Подлый приемчик: отвлечь блеском золота, а самому дотянуться до добычи.

Она шагнула ближе, глядя ему прямо в напудренное лицо.

- Жульничаешь? - прошептала она, чувствуя, как срывается голос. - Где амброзия?

- Ты про это? - протянул он с липкой улыбкой.

Болезненный тычок в грудь заставил Майру отступить на пару шагов. В неоновом свете подворотни блеснула склянка, зажата в тонких, почти паучьих пальцах.

Древний ухмыльнулся - он знал, как сильно она тянулась к этому лекарству, и нарочно не спешил, развлекаясь. То подносил пузырёк к глазам, разглядывая, как на дне перекаты-

вається юркая капля, то слегка встряхивал, будто ждал услышать малиновый звон.

Майра наблюдала, как блесит стекло в его руке, и с каждым мгновением чувствовала, как злость скребётся под кожей.

Эта игра могла длиться вечно. Древние не спят, не едят - им нужно хоть как-то развлекаться. И ничто не веселило их сильнее, чем дразнить глупых, упрямых смертных.

Древний затаил дыхание и напрягся, словно гитарная струна, когда она вытащила из кармана свою склянку. Не отводил глаз от тонкого стекла, точно надеялся разбить его взглядом, чтобы добраться до нужного.

«Что в этом воспоминании такого ценного?» - подумала Майра, поглаживая прохладное стекло пальцем. «Стоит ли вообще его отдавать?»

- Отдай! - Древний облизнулся, пальцы скрючились, напоминая когти хищной птицы. Майра и думать не хотела, что случится, если клиент окончательно потеряет самообладание.

- Мы договорились: амброзия в обмен на воспоминание, - напомнила она, вытаскивая из кармана одну из сфер. - Не иначе.

Древний уставился на неё почти удивленно. Холодный взгляд скользнул по оружию в её руке, переключился на лицо.

- Дерзишь. Не боишься, что я расплавлю тебя, как воско-

вую свечу?

И заберёт воспоминание из той лужи, которая от неё останется, ага. Майра дернула плечом, незаметно оглядываясь. На улице в такой час народу было не густо, да и быстро пуствовало – но убийства, особенно магические, всегда оставляют жирный след. Никто бы не решился запятнать себя подобным без веской причины.

- Блефуешь, старик, - Майра подкинула на ладони пузырёк с серой льдинкой. Та с мелодичным звоном ударилась об стекло, и Древний испуганно зашипел, как потревоженная змея. - Так что? По рукам?

- Хорошо, - процедил он неохотно, верхняя губа поползла вверх, демонстрируя акулю пасть, которую Майра ещё не успела забыть. - Будь по-твоему.

Обменялись мгновенно. Древний рванулся вперёд, сгребая когтями воспоминание и швыряя Майре амброзию. А затем прижал склянку к лицу, дыша на стекло, словно не мог наглядеться.

- Так-то лучше, - буркнула Майра. Пока Древний ворковал над долгожданным воспоминанием, она сорвала крышку с лекарства, запрокидывая голову. Янтарная капля скользнула по горлу в желудок, и жидкое незнакомое пламя согрело изнутри. Вкус был сладковатым, как у леденца. Она едва успела подумать, что сладкое – не всегда безопасное, как все её мысли заняло нетерпение: сразу ли утихнет голод? Сколько ждать?

- Вот и всё, - самодовольно ухмыльнулся Древний, пряча в карман пузырьёк. Медальон Майра вернула без напоминания, вытерев руку о куртку и радуясь, что избавилась наконец от этой штуки. Амулет действовал на нервы и фонил ледяным дыханием скорой смерти, словно она таскала под мышкой урну с собственным прахом. Жуткое, тошнотворное чувство.

В руках Древнего артефакт радостно вспыхнул, приветствуя хозяина.

- Счастливо оставаться, - пробормотала она, намереваясь уйти, но ей не позволили. Пальцы с черными ногтями впились в запястье, оставляя синяки, тонкие косточки затрещали, когда хватка стала сильнее. Древний сиял, как начищенный медный таз, и что-то в его торжествующей улыбке показалось ей странным.

Чему он так радуется?

- Удачи, - шепнул он ей прямо в лицо, а затем сбежал так быстро, будто за ним гналась стая мстительных духов, грозящих растерзать, если тот хоть на секунду замешкается.

Вместе с ним сгнула и зубодробительная тревога.

Майра подняла с земли банкноты и монеты, распихала по карманам и двинулась к ближайшей стоянке такси. Оставалось ждать, когда амброзия сработает и голод перестанет пожирать ее изнутри.

Самые большие надежды она возлагала на то, что со странным Древним, готовым платить за воспоминания вдвое

больше, чем положено, судьба её больше не столкнет.

Но она слишком долго жила в Столице, чтобы не знать: у города всегда были свои планы.

C

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.